
ЛИЧНАЯ ДИЛЕММА ИЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ? ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ХАННОЙ АРЕНДТ И МАКСОМ ВЕБЕРОМ¹

П. Баэр
Университет Линнань (Гонконг)

Аннотация: Журнал «Политическая Концептология» публикует перевод англоязычной статьи Питера Баэра, опубликованной в 2005 году в журнале «Max Weber Studies»² при Лондонском столичном университете. Перевод и публикация статьи осуществлены с согласия автора.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Макс Вебер, Карл Ясперс, политика, власть, тоталитаризм.

С точки зрения Туйи Парвикко, Макс Вебер оказал существенное влияние на формирование мысли Ханны Арендт. Я предлагаю критически подойти к данному утверждению по крайней мере по двум причинам: первая весьма специфична и относится к отрицательному отношению Арендт к идеальному типу. Вторая причина более общая, поскольку доктор Парвикко игнорирует множество очевидных и важных антиномий, принимая во внимание лишь некоторые смутные сходства между идеями Вебера и Арендт. На самом деле Арендт занимала антивеберовскую позицию по всем главным политическим направлениям своей мысли. Прежде чем приступить к обсуждению данных вопросов, считаю необходимым для начала обратить внимание на сложные отношения Арендт с ее наставником Карлом Ясперсом.

«Заблудившиеся» Арендт, Ясперс и Вебер

Отношение Арендт к Веберу, как утверждает Туйя Парвикко, можно лучше всего проследить из ее переписки с Ясперсом. Но и этот факт, к сожалению, не раскрывает те границы мышления Вебера, которые послужили источником вдохновения для Арендт. Взамен лишь создаётся впечатление, что Ясперс неоднократно призывал Арендт читать Вебера. Это предположение становится ключевым для Парвикко и дальнейшего заявления о том, что Арендт

¹ Возражение Туйе Парвикко, «Заметка о влиянии Макса Вебера на мысль Ханны Арендт» [Parvikko 2004].

² См.: Baehr P. Personal Dilemma or Intellectual Influence? The Relationship between Hannah Arendt and Max Weber. — Max Weber Studies. — 2005. — Vol. 1. — No. 1. — Pp. 125–130.

действительно была «вдохновлена» Вебером. Внимательное чтение переписки Арендт и Ясперса раскрывает совсем другую картину. Хорошо известно, что Ясперс восхищался Вебером как учёным и как человеком чести, по крайней мере, до тех пор, пока не узнал о сексуальных отношениях Вебера с Эльзой фон Рихтгофен. Довольно часто он стремился «навязать» Арендт идеи Вебера. И каков был ее ответ? Арендт никогда не сомневалась в том, что Вебер — сильным патриот и блестящий «историк». Но у Арендт появилась дилемма. С одной стороны, ее политический проект и рефлексия были полностью отличны от Вебера. Отличной была и ее онтология, феноменологическая в сильном смысле и далёкая от неокантианства. С другой стороны, она знала об эмоциональной привязанности Ясперса к Веберу. Для Ясперса Вебер был не только великим экзистенциалистским мыслителем, но и символом некой другой Германии — патриотической, но европейской, рациональной, либеральной и гуманной, которая была разрушена с приходом Третьего Рейха. Другими словами, Вебер был воплощением истинной «немецкой сущности» [Ясперс 1932]. Противостоять идеям Ясперса относительно Вебера или показать, что мысли Вебера несовместимы или неуместны в вопросах, имеющих особую важность для нее, могло поставить под удар дружбу, которой Арендт дорожила. Она не рискнула бы это сделать. Как я уже показал в других работах, у Арендт были все основания полагать, что даже самая крохотная критика спровоцирует вулканический отклик [Баэр 2001, 2002]. Здесь я приведу лишь один пример. В примечании к Главе 6 книги *The Human Condition* Арендт отметила, что «Макс Вебер, несмотря на некоторые к тому времени уже исправленные ошибки, до сего дня остающийся единственным историком, раскрывшим проблематику Нового времени с адекватной глубиной и релевантностью, специально подчёркивает, что новая профессиональная и трудовая этика объяснялась не столько утратой веры, сколько утратой чувства достоверности спасения, *certitudo salutis*» [Арендт 2000: 364-365]. Арендт восхваляла Вебера. Однако в поздравительном письме Арендт от 1-го декабря 1960 года по случаю публикации ее труда *The Human Condition* Ясперс отводит почти половину письма анализу вышеприведённой сноски. Он недоверчиво относится к высказываниям Арендт об «ошибках» Вебера и отвечает: «Для меня эта мысль важна, поскольку речь идёт о сущности научного достижения Макса Вебера. Его можно подвергнуть критике во многих других работах, если это можно так выразить. У меня тоже имеются замечания, которые мне бы хотелось обсудить с ним, что собственно я и делал при его жизни. Но в этой конкретной работе — это не относится к другим томам по социологии религии — на ошибку можно указать только после детального изучения и поэтапного следования за Максом Вебером в его познавательном процессе» [Арендт, Ясперс 1992: 407-408].

Сообщение ясно. Не говори, Ханна, о вещах, в которых ты явно не осведомлена. Вебер — моя территория. Арендт поняла это. Но тогда она должна была сориентировать свои радикально антивеберовские идеи с ее желанием не обидеть Ясперса. Как она это сделала? Во-первых, когда Ясперс рекомендует ей взяться за рассмотрение идеального типа, она отклоняет этот вопрос, игнорируя его и меняя тему. Во-вторых, там, где Арендт все-таки приходится столкнуться с решением веберовской идеи, харизмой, например, она критикует не саму идею, а ее применение³. Тактика заключается в том, чтобы выдать веберовское понятие неверным и одновременно ослабить удар, включив его в список схожих заблуждений. Этот подход она применяет и к концепции власти Вебера. Критика размывается, если рассматривать идеи Вебера в единстве с другими идеями, начиная от Вольтера до Бертрана де Жувенеля, например [Арендт 1970]. Значит, это традиция, а не индивидуальный мыслитель, — такова основная цель ее опровержения. В-третьих, она отвергает идею Вебера, не упоминая Вебера. По этой причине критикует «традицию *sine ira et studio*» (без ненависти и усердия) в ответном письме Эрику Фегелину. Эта традиция, замечает она, просто не способна справиться с лагерьями смерти, поскольку клиническая «объективность» не способна запечатлеть их

³ См. критику Арендт об использовании понятия харизма Хансом Гертмом, *Истоки тоталитаризма*, Нью-Йорк: издательство «Nancourt Brace», 1973 [1951]. Критика отсутствует в немецкой версии работы Х. Арендт.

ужас или адекватно противостоять злу. Описание лагерей, как Ада на земле, на мой взгляд, более «объективно», то есть больше соответствует их сущности, чем заявления чисто социологического или психологического характера [Арендт 2000].

Идеальный тип

Парвикко признает неоспоримую, но едва признанную методологическую заслугу Арендт перед Вебером относительно идеальных типов. Эта заслуга, якобы, особенно очевидна в ее характеристике еврейского парии и теории тоталитаризма. Я пропущу ее изображение репрезентативных фигур парии, таких как Бернард Лазар, потому что, как указывает сама Парвикко, Арендт ссылается на них в нормативном смысле, который никоим образом не был характерен для Вебера. Вместо этого позвольте мне сосредоточиться на ее теории тоталитаризма.

Арендт, возможно, была большой поклонницей нравственной философии Канта, но она не была неокантианцем. По ее словам, «тоталитаризм» не является «утопической» эвристикой; это термин и концепция, которая определяет нечто существенное, нечто действительно реальное. «Элементы» тоталитаризма состоят из империализма, расизма, индивидов без гражданства и альянса между капиталом и «бандой». Каждый элемент усиливал другой. В Германии антисемитизм был элементом тоталитаризма, а также амальгамой других элементов (империализм и т. д.), «кристаллизацией» их в нацистское движение и режим. Как говорит Маргарет Канован, «понятно ... что, когда [Арендт] использует общий термин «тоталитаризм», она не указывает абстрактный веберовский идеальный тип, используемый просто для того, чтобы помочь исследованию в конкретных случаях. Вместо этого она занимается явной попыткой признать и понять новое явление, появившееся в мире, проявленное в определенных аспектах и деятельности нацистских и сталинских режимов» [Канован 2000: 47].

Более того, Арендт решительно критикует попытки использовать веберовский идеальный тип для объяснения тоталитаризма. Идеальные типы, подобно «бюрократии» и «харизме», заявила она, совершенно неправильно описали то, чем фактически являются административная анархия и пустое руководство, проявленные тоталитарными режимами. Хуже того, такие модели аналитически одомашнили тоталитаризм, превратив его в крайний вариант того, что уже было известно. Но это был вздор. Тоталитаризм был беспрецедентным эпизодом, разрывом с незаконными режимами прошлого (бонапартизм, узурпаторство, диктатура и т. д.). Таким образом, потребовался полный пересмотр современных политических категорий.

Очевидным ответом Арендт было бы: идеальные типы предназначены для измерения уникальных событий. Но она, по-видимому, считала, что баудлеризация веберовских категорий является свидетельством неотъемлемой недееспособности формирования веберовской концепции. Возможно, источником этого предрассудка был ее супруг Генрих Блюхер, с удовольствием высмеявший идеальный тип. Эти «социологические типологии экспериментов», похожи, как он отметил, скорее на новый ритуал, который пытаются ввести несостоявшиеся священники, а не на попытки продвижения разума⁴.

Природа политики

Арендт прежде всего была политическим мыслителем. Если бы Вебер действительно оказал влияние на мысль Арендт, это влияние проявилось бы в отношении между его и ее

⁴ «В четырех стенах: переписка между Ханной Арендт и Генрихом Блюхером», 1936–1968 гг., под ред. Лотте Колер, перевод П. Константина, Нью-Йорк: издательство «Nancourt Brace», 2000, 62. Элберт Саломон занимает особое место в его памфлете, поскольку пытался передать веберовские идеи американской аудитории в серии статей для *Социальных Исследований*.

собственными политическими идеями. Парвикко находит некоторые туманные сходства между их представлениями о политическом суждении. Я скажу больше. И Вебер, и Арендт (Карл Шмитт тоже!) подвергли нападению эманационистские философии истории, критиковали концепцию «прогресса» и считали, что политика является сферой *sui generis*. Но это все сходства, а не свидетельства влияния или «воздействия», которые должны быть чётко продемонстрированы. Более того, как только человек возвращается к *специфике*, весомость арендтианских категорий приобретает другой ракурс. Представлю теперь вкратце некоторые из более ярких контрастов между идеями немецкого патриота и еврейской беженки, чья привязанность к Германии обусловлена главным образом языком и философией:

1. Для Вебера политика определяется с точки зрения руководства, особенно руководства государства. Поскольку государство основано на монополии насилия, следует, что политика тесно связана с физическим принуждением. Для Арендт политика — это общественное пространство формального равенства, которое следует отличать от «частных» и «социальных» сфер. Особенно важным условием политики является не «масса», требуемая для управления, а возможности, предоставляемые гражданством и «множественностью»: «то обстоятельство, что не один единственный человек, а многие люди живут на Земле и населяют Мир» [Арендт 2000: 14–15].

2. Более того, в то время как Вебер приспособливает концепцию *Herrschaft* (господства) к принятию добровольного повиновения, Арендт рисует свою формулировку в самых мрачных, самых зловещих цветах: отсюда и название *Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft* (ее предпочтительное немецкое название труда «Истоки тоталитаризма»). Для Арендт понятие «господство» означает, что политика — это сфера изготовления или создания, в которой индивидами манипулируют, подобно предметам в природе, путём насильственной деятельности. Но, по ее мнению, это была антитеза политики в республиканском, коллективном и дискурсивном смыслах.

3. Для Вебера «власть» — это способность человека преобладать над другим человеком в социальных отношениях. Для Арендт власть не является собственностью человека: это форма коллективного управления в целях реализации общего проекта и ее необходимо чётко отделить от «силы» и «насилия».

4. Для Вебера политическая этика требует, чтобы агент знал о тех случаях, когда стремление к «хорошим» целям потребует применения морально сомнительных средств. Для Арендт, напротив, каждое «хорошее» действие ради плохого конца на самом деле приносит миру часть добра; каждое плохое действие ради хорошего конца добавляет миру немного порока. Другими словами, тогда как для совершения и создания цели полностью доминируют над средствами, для действия действует только обратное: средства всегда являются решающим фактором. Из этого следует, что для Арендт «плохие» средства не являются приемлемой частью политики, тогда как для Вебера они неизбежны.

5. Для Вебера «действие» — это категория социологии, способ поведения, который обычно подпадает под отношения «средство-цель». Для Арендт действие — это категория политики, которая по существу intersубъективна, то есть различие между «действием» и «социальным действием» не имеет смысла. Более того, действие, на ее взгляд, не является главным следствием мотива и, конечно, не следствием причин, а является следствием «рождаемости»: рождение приносит в мир существо со способностью создания нового начала, для прерывания стандартных процедур и цепочек средства-цели повседневной жизни, для разрушения окостеневших структур, тем самым приводя к непредсказуемости и неопределённости в мире.

В целом, из-за ее отношений с Ясперсом Вебер для Арендт перерос в личный вопрос. Но Вебер не оказал существенного влияния на Арендт, если под «влиянием» полагать то, что она серьёзно размышляла над его работами, а после применяла его идеи в своих собственных. Столкнувшись с перспективой поставить под угрозу дружбу из-за мужчины (Вебера),

Арендт выбрала благоразумие. Она знала, что открытость — это глубокая дружба, которая невозможна и нежелательна. Есть определённые вещи, которые мы должны скрывать, чтобы оставаться человеком. Лояльность должна иногда иметь приоритет над искренностью, привязанностью к истине, непоследовательностью над честностью. Это, конечно, касается также богов и демонов Вебера. Но Арендт и без наставлений Вебера знала прекрасно, что сохранить дружбу важнее, чем победить в споре.

Перевод с английского А.Г. Акопян

Арендт Х. 2000. *Vita Activa, или О деятельной жизни (The Human Condition)*. — Пер. с нем. и англ. В.В. Биbihина, под ред. Д.М. Носова. — СПб.: Алетейя. — 437 с.

Арендт Х./ Ясперс К. 1992. *Переписка 1926–1969*. — Под ред. Лотте Колер и Ханс Сатнер, перевод Роберта и Риты Кимбер. — Нью-Йорк: издательство «Harcourt Brace».

Арендт Х. 2014. *О насилии*. — Пер. с англ. Г.М. Дашевского. — М.: Новое издательство. — 148 с.

Арендт Х. 2000. *Ответ Эрику Фегелину*. — Под ред. Питера Баэра, *The Portable Hannah Arendt*. — Нью-Йорк: издательство «Penguin».

Баэр П. 2001. *Грамматика благоразумия: Арендт, Ясперс и оценка Макса Вебера* / — Под ред. Стивена Ашхайма, *Ханна Арендт в Иерусалиме*. — Беркли и Лос-Анджелес: издательство Калифорнийского университета, 306-324. Об антипатии Арендт к социальным наукам, см. Баэр, «Идентификация беспрецедентного: Ханна Арендт, тоталитаризм и критика социологии» — Американский социологический обзор 67.6 (2002), 804–831.

Канован М. 2000. «Теория тоталитаризма Арендт. Переоценка» — Под ред. Дана Вилла, *Кембриджский компаньон Ханне Арендт* — Кембридж: издательство Кембриджского университета.

Ясперс К. 1932. *Макс Вебер: немецкая природа в политическом мышлении, в исследованиях и философствовании*. — Ольденбург, Герхард Сталлинг. [*Max Weber: Deutsches Wesen im politischen Denken, im Forschen, und Philosophieren* (Oldenburg: Gerhard Stalling, 1932)].

Baehr P. 2005. Personal Dilemma or Intellectual Influence? The Relationship between Hannah Arendt and Max Weber. — *Max Weber Studies*. — Vol. 1. — No. 1. — Pp. 125–130.

Parvikko T. 2004. A Note on Max Weber's Impact on Hannah Arendt's Thought. — *Max Weber Studies*. — Vol. 4. — No. 2. — Pp. 235–252.